

**Наталья
АРХИПОВА**

г. Петрозаводск

*Моим друзьям,
которые вытолкали меня в Париж*

O Paris, je suis bien dans tes bras...¹

«Ты была в Париже?» Это действует на людей как бокал шампанского.

Было ли это со мной? И я ли это была?

...А началось все с фразы, которую произнес один француз много лет назад: «До встречи в Париже!» Случайные слова прозвучали как «до встречи на Луне», но занозой зацепились в душе, напоминая о себе время от времени. Любовь к французскому шансону, судорожные попытки сохранить знание языка — многолетнее чтение

новелл Андре Моруа, стихотворений Верлена и Аполлинера... А Париж перемещался все дальше и дальше — и вот он уже в другой галактике, а вокруг тебя дети — свои и чужие, и нет времени и сил ни на язык, ни на Моруа, ни на Верлена. Только песни Ива Монтана, Джо Дассена и Далиды вдруг выхватывают тебя из круга земной суеты и... И вот уже дети выросли, а Париж не приблизился ничуть. Ты уже по привычке произносишь: «Хочу в Париж!» А кто не хочет? Покажи мне такого человека!

И однажды, произнеся привычное заклинание, ты вдруг слышишь в ответ: так в чем же дело — поезжай! Одна! Ты храбро отвечаешь: «Поеду!» А сама уже звонишь сыну: «Может, все-таки в Египет, там дешевле?» И слышишь в ответ: «Лучше в санаторий в Белоруссии, там еще дешевле. Мама, ты же столько лет мечтала о Париже!»

«Ну все, билеты куплены, теперь уж не отвертятся...» Это, между прочим, о тебе. А ты себя чувствуешь астронавтом, которому придется высадиться на неизвестной планете. Последние наставления перед стартом... «Поехали!»

Вы помните, как римские полководцы возвращались после победы над многочисленными врагами? Мои первые шаги в Париже — шаги римлянина, который готовится пройти через триумфальную арку. Я на площади Этуаль, и передо мной возвышается Триумфальная арка, а под ногами, где-то в глубине — парижское метро, как Критский лабиринт. В душе уже звучат песни Монтана, а разум напоминает советы подруги: «Не бойся спрашивать у людей. Один, другой, третий, четвертый не ответят — пятый обязательно поможет». А я и не боюсь — я спрашиваю. Правда, не все понимают, что я говорю по-французски. «English?» Слова застревают, стремясь вырваться наружу. И вот уже он — спасительный выход из «чрева Парижа» — метро. «Не спущусь в метро больше ни разу», — даю себе слово и через пару часов его нарушаю.

Маленькая уютная гостиница, улыбаю-

¹ О Париж, мне хорошо в твоих объятиях...

щийся портье. Я легко произношу заготовленную заранее фразу по-французски: «Здравствуйте, месье, меня зовут Элен, я из России». И слышу в ответ на русском: «Расслабьтесь, Элен, я знаю русский язык».

...Что меня в Париже поразило больше всего? Атмосфера, люди, улыбки, протяжное «бонжу-у-ур, мадам», солнце даже тогда, когда его нет.

— Спасибо! — поблагодарила я двух девушек, которые запечатали меня на фоне «пирамиды» Лувра.

— Il ne faut pas dire спасибо, Il faut dire merci, — услышала я за спиной. Высокий, похожий на д'Артаньяна француз улыбался мне.

— Конечно, я забыла, что нахожусь во Франции, — ответила я.

— Откуда вы приехали?

— Я из России, в Париже всего несколько часов.

Ущипните меня, неужели я в городе своей мечты?! Но ущипнуть было некому, ведь я не смогла это произнести на французском языке. А «д'Артаньян» между тем шел следом за мной по квадратному двору Лувра.

— Il pleure dans mon coeur comme il pleut sur la ville...² — произнес он строки известного стихотворения Верлена.

— Quelle est cette langueur qui pénètre mon coeur?...³ — продолжила я.

Так с Верлена началось наше знакомство с Клодом Лебреном, служащим банка на Елисейских Полях.

— Я турист в родном городе, люблю ходить пешком по улицам Парижа.

— Может, вы из туриста на время превратитесь в моего гида?

— С удовольствием!

Мост Искусств, остров Сите, Нотр-Дам де Пари, бульвар Сен-Жермен де Пре...

Слова потекли сначала робким ручейком.

— Пожалуйста, медленнее, — просила я Клода. И он терпеливо повторял мне какой-нибудь вопрос.

Но чем больше я общалась с Клодом, тем больше мне хотелось говорить на языке. Наконец-то нашелся человек, который был способен оценить стихи и песни, которые я читала и пела самой себе столько лет...

— Мне очень нравятся песни Ива Монтана.

— Так вот же, Элен, в этом доме на бульваре Сен-Жермен де Пре жил Ив Монтан! Элен, такая женщина, как ты, не может быть одна.

— У меня семья, дети... А ты?

— Я не женат, моя женщина опаздывает.

— Но это ты опаздываешь...

...Я иду на свидание с настоящим французом! Такого я не предполагала даже в моих самых смелых мечтах о Париже. «Может, стоит остановиться? Воспоминаний о первой встрече с Клодом тебе надолго хватит. Помнишь свое жизненное кредо: пришел, увидел... решил не связываться?» — шептал мне внутренний голос.

Вечерний Париж в расплывающихся от дождя огнях... Таинственное, подсвеченное снизу здание Лувра, фонтан, поющий свою бесконечную песню в унисон с дождем... И никого. Правда, я опоздала на пятнадцать минут.

«Видишь, как хорошо, — все решилось за тебя. Можно вернуться в теплую, уютную гостиницу, а не бродить под дождем неизвестно с кем», — убаюкивал меня внутренний голос.

— Будьте добры, сфотографируйте меня.

Обернувшись, я увидела еще одного «настоящего» француза в длинном плаще с гитарой за спиной. Мишель (так звали моего нового знакомого) уже собрался исполнить на гитаре одну из композиций собственного сочинения, но тут... появился «д'Артаньян».

— Клод, ты опоздал почти на полчаса!

— Нет, Элен, я пришел вовремя, тебя не было, я вернулся случайно.

Два «настоящих» француза пожали друг другу руки. Я поняла, что музыку услышу как-нибудь в другой раз.

И вновь мы с Клодом идем по улицам Парижа, и французский язык звучит лучше всякой музыки... Подсознание выталкивало из меня такие слова и выражения, о существовании которых я даже не подозревала.

— Элен, куда мы пойдем? В кафе?

«А вдруг тебе придется самой платить? Как ты будешь доставать деньги из кармашка, пришитого с внутренней стороны юбки? А если Клод заплатит за тебя, как ты будешь с ним расплачиваться?» — это все тот же трусливый тоненький

² «Плачется моему сердцу, как дождю в городе»

³ «Что это за язык, который проник в мое сердце?»

внутренний голос продолжал запугивать меня.

— Я очень хочу увидеть Латинский квартал, Сорбонну...

— Элен, и ты не хочешь попробовать устрицы? Ты любишь устрицы?

«Ха-ха, — веселился внутренний голос. — Вспомни мультик про зайца, у которого спросили, любит ли он конфеты. А заяц ответил: я так люблю конфеты, я так люблю конфеты, только я их никогда не ел...»

— Нет, Клод, я не очень люблю устрицы.

Интересно, попробую ли я когда-нибудь устрицы? «У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока», — вспомнилось мне вдруг.

— А что же ты любишь, Элен? Красную или черную икру? — допытывался Клод. Видимо, голоден был, это я уже потом поняла.

— Предпочитаю черную, — поспешно ответила я и переключила внимание Клода на высившееся впереди здание Консьержери.

Принарядившиеся к Рождеству, сияющие витрины бутиков и призрачные, темные, как будто выплывающие из глубины веков здания Сорбонны, Пантеона... Дождь, «лес» новогодних елок на площади перед театром Одеон, внезапно «пробудившийся» фонтан в одном из дворов...

— Элен, хотела бы ты жить в Париже?

«Скажи ему, как тебе здесь хорошо, как ты растворяешься в этом городе и чувствуешь себя его частью, как близки тебе парижане по темпераменту, по непосредственности и эмоциональности... Что же ты молчишь?» — мой внутренний голос перехватило от волнения. Вот он, этот момент выбора.

— Элен, почему ты молчишь? Ты хочешь жить в Париже?

— Не знаю, скорей всего, нет...

«Дура!»

Может, и вправду дура? Принять всерьез обычную французскую учтивость, дежурный вопрос воспринять как гамлетовский «быть или не быть»? Сколько стереотипов пришлось разрушить, страхов преодолеть за эти несколько дней, для того чтобы понять, что все барьеры — внутри тебя. Отпусти их — и ты станешь счастливее.

...А самолет уже набрал высоту. Париж выпустил меня из своих объятий...

рассказ

Моей подруге Наташе

Автобус, похожий на огромного неуклюжего жука золотисто-зеленого цвета, медленно карабкался по сутулой спине одной из гор Стара-Планины⁴. С каждым кольцом серпантина все ближе и ближе к вершине. Иногда он не мог вписаться в поворот, тогда водитель сбрасывал скорость и автобус начинал сползать на обочину, пытаясь развернуться. «Жук упал и встать не может, ждет он, кто ему поможет», — вспомнились Светке слова, когда она, вжимаясь в кресло автобуса, представляла, сколько раз автобус перевернется, если вдруг водитель не справится с управлением. Страх мешал ей любоваться опрокинутыми чашами гор, стройными рядами виноградников на склонах и зелеными с желтыми крапинками полями подсолнухов в долине.

Про таких, как Светка, говорят: «маленькая собачка до старости щенков». Несмотря на то

⁴ Балканские горы в Болгарии.

что ей давно уже перевалило за сорок (как говорила ее мама, пятьдесят на горизонте), она сохранила способность удивляться и не свойственную возрасту, не всегда уместную наивность и непосредственность. Ее подругу Веру, с которой они когда-то учились вместе в институте, а теперь ехали на экскурсию в болгарскую деревню, напротив, трудно было чем-то удивить. Она — в прошлом гид — объездила много стран. Вера как спокойная река: на поверхности — зеркальная гладь, а в глубине — водовороты и стремнины. Сейчас она с улыбкой наблюдала за напряженным лицом Светки.

— Ни за что не сяду в автобус, если вдруг доберемся до вершины, — судорожно вздыхая, время от времени бормотала Светка.

— А как назад? Верхом на ослике? — снисходительно улыбаясь, спросила Вера.

— Побегу впереди автобуса, как Данко, освещая вам дорогу сердцем.

— Ну-ну, — откликнулась та, — а косточки бедного Нильса кто будет собирать?

Тем временем «косточки бедного Нильса» благополучно добрались до вершины горы, на которой уютно разместилась деревушка, купающаяся в лучах заходящего солнца. Пружинка страха, застрявшая внутри Светки, постепенно разжалась. Солнце, звуки волынки из-за высокой изгороди, маленький, как будто игрушечный ослик, на которого тут же посадили детишек из автобуса, — эта пасторальная картинка мигом успокоила Светку, наполнила ощущением какой-то теплой радости.

Гостеприимные болгары встретили их хлебом-солью, провели в уютный дворик старинного дома с разными постройками. Чего тут только не было: и крошечная часовенка, и помещение, в котором изготавливали ракию, и маленькая сувенирная лавка, и большой зал механы, традиционного болгарского ресторана. В центре просторного двора горел костер, напоминающий о том главном событии, ради которого туристы забрались под самые небеса, — танцах на углях.

Праздник начался в просторном зале механы. Длинные деревянные столы, покрытые традиционными болгарскими красными скатертями в клетку, глиняная посуда, полосатые домотканые дорожки на скамьях, такие же дорожки, только понарядней, на белых оштукатуренных стенах зала — все показалось Светке совершенно прос-

тым, деревенским. Чувствительная к запахам, она распознала кислотовато-пряный аромат особого невыдержанного болгарского сыра, брынзы, вина, паприки, зелени — чубрицы, которые настраивали на домашний лад. Свет в зале был приглушенный, теплый, только площадка в центре хорошо освещена.

У Светки закружилась голова от болгарского молодого вина, льющегося рекой из бочек, искрометных народных танцев и песен, от пестроты национальных костюмов. Сияющие улыбками, словно напивавшиеся солнечным светом и энергией гор, болгарские танцоры «зажигали» на небольшой сцене, еще больше возбуждая хмельную, разгоряченную публику.

— Настоящий карнавал! Народный праздник! — восклицала Светка.

— Какой карнавал? — смеялась Вера. — Сними розовые очки! Это же шоу для туристов! Посмотри на народ — некоторые еле на ногах стоят!

Дойдя до «точки кипения», действие завершилось общим хороводом и выходом во двор, где уже догорал костер.

Тем временем ночь накинула на горы свою расцвеченную блестками звезд шаль, под которой угадывалось таинство жизни. Светку вдруг осенило, почему южную ночь называют бархатной. Ночь впитывает зной и запахи дня, поэтому ощущение неги и тепла остается, как будто тебе на плечи накинута бархатная накидка.

Собравшиеся во дворе ждали главного представления — танца на углях...

Светка увидела коренастого болгарина, похожего на старого пирата, с усами, воинственно торчащими в разные стороны. Голова его была повязана красной косынкой, горделивая осанка выдавала достоинство, характерное для жителя гор. Он подошел к почти прогоревшим углям и стал ворошить их с помощью металлического прута. Головешки рассыпались на тысячи маленьких угольков, заблеставших с новой силой. Используя прут, сначала он выложил из этих угольков крест, затем ловким движением соединил концы креста. Светке показалось, что на земле засветилась карта звездного неба, только вместо звезд — мигающие угольки. С иконой святых Константина и Елены — покровителей огня — болгарин обошел магический круг. Можно ли было назвать танцем его движения внутри круга? Не отрывая взгляда, наблюдала Светка за рит-

мичными перебежками болгарина от одного края круга к другому, сопровождаемыми протяжной музыкой волынки и мерными звуками барабана. У нее создавалось впечатление происходящего на глазах таинства, какого-то древнего ритуала. Через некоторое время нестинар⁵ подхватил на руки девушку, стоявшую ближе всех, и вошел в мерцающий круг, держа ее на руках. Обезав круг, он выхватил из толпы ребенка и вновь вошел в сакральное пространство. Так продолжалось несколько раз. Через некоторое время дети стали протягивать руки болгарину, желая попасть в этот заветный круг... Сколько времени длилось это представление? Светке казалось — целую вечность. На самом деле всего несколько минут, пока не потухли угли.

Пора было возвращаться домой. Светка с Верой, вместе с остальными туристами, шумно обсуждавшими события вечера, направились к автобусу.

— Я сейчас, — сказала Светка подруге и возвратилась на опустевшую площадку. Припорошенные пеплом крошечные угольки слабо поблескивали. Светка сняла туфли, выдохнула и, застыв на мгновение, — вошла в круг. Ей удалось пройти не более двух шагов по еле тлеющим, но острым, как шипы, углям ... «Неужели не получится?» — расстроилась Светка. Вспомнив ритмичные движения нестинара, она начала пританцовывать в такт слышимой только ей музыки, то кружась на месте, плавно взмахивая руками, то

мелкими шажками скользя вдоль круга. Иногда ей удавалось заступить за черту, и она на цыпочках перебежала по краю колочей угольной «поляны»... Она «осваивала» пространство круга, как ребенок, который делает свои первые шаги, как альпинист, покоряющий новую вершину, как путешественник, высадившийся на неизведанной земле... Было страшно, но весело, дух захватывало от новизны ощущений...

Светка так увлеклась, что не сразу услышала сигнал автобуса, созывающего запоздавших туристов. Забыв о своем обещании освещать дорогу, проскользнула в автобус и стала пробираться на свое место, рядом с Верой. «Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь...» — зазвучало из динамиков автобуса. Туристы подхватили песню... «А ведь действительно невозможно, — думала Светка, — спускаться с горы все равно придется». Странно, но чувство страха куда-то исчезло. Казалось, страх ее «сгорел» в том костре вместе с углями, на которых танцевал нестинар. Автобус скользил фарами по придорожным камням, кустарникам, черным дырам, за которыми угадывалась пропасть. А Светка уже знала, что после пережитого там, на вершине горы, ничего плохого с ней не случится.

⁵ Нестинарами называют людей, которые обладают способностью танцевать на углях.

Наталья Анатольевна АРХИПОВА

родилась в Петрозаводске.

Окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работает заместителем начальника отдела

«Детский музейный центр» музея-заповедника «Кижь».

Рассказы и статьи публиковались в интернете,

в газете «Кижь».

В журнале «Север» публикуется впервые.

